

М. В. Станюкович

НЕОБЫЧНАЯ БИОГРАФИЯ

[Рой Фрэнклин Бартон,
1883—1947]

Р. Ф. Бартон, американский этнограф и фольклорист, по праву может считаться одним из крупнейших филиппиноведов XX в. В результате многолетних наблюдений за жизнью малоизученных дотоле народностей Филиппинского архипелага он собрал бесценный материал, на основе которого им были созданы фундаментальные труды по социальным отношениям, хозяйству, религии и фольклору. Общее количество работ Бартона, включая неопубликованные, превышает четыре десятка. Однако его имя не занимает должного места в истории науки. Причиной подобного отношения к ученому явились его очень необычная биография и антиколониальная направленность его научной деятельности. Этот замечательный исследователь, труды которого, по выражению известного американского ученого А. Л. Кребера, входят в число «лучших этнографических работ, когда-либо написанных на английском языке, особенно по народам Филиппин»¹, до 48 лет не мог устроиться на работу по избранной специальности и вынужден был все время отрываться от своих научных занятий, чтобы заработать средства на жизнь и на этнографические экспедиции. Десять лет (1930—1940 гг.) Бартон провел в Советском Союзе, где работал научным сотрудником Института этнографии АН СССР. Лишь после того, уже в возрасте 57 лет, ученый получил дотацию для этнографической экспедиции от фонда Гуггенхайма.

После второй мировой войны, в 1946 г., Бартон получил место научного сотрудника университета в Беркли (Калифорния). В конце того же года он был приглашен в Чикагский университет, но признание соотечественников пришло к нему слишком поздно: в 1947 г. ученый умер.

Насколько нам известно, Бартону посвящены (за исключением нескольких рецензий на его книги) лишь некрологи Х. О. Бейера² и А. Л. Кребера³, содержащие краткое описание его жизни и научной деятельности. Задача данной статьи — более полно осветить творчество Бартона, а также исправить некоторые неточности, основываясь прежде всего на архивном материале, в том числе на переписке Бартона с различными учеными, и его автобиографии.

В творчестве Бартона отчетливо различаются три периода.

Первый из них начинается с 1906 г. — года приезда Бартона на Филиппины (бывшие в ту пору колонией США), куда он после окончания

¹ A. L. Kroeber. Roy Franklin Barton, 1883—1947.— «American Anthropologist», v. 51, № 1, 1949, p. 91.

² H. O. Beyer. Philippine science loses a friend.— «Manila Bulletin», May 14, 1947.

³ A. L. Kroeber. Указ. раб.

Иллинойского педагогического института получил назначение в качестве школьного учителя. Целью Бартона было изучение исконной культуры коренного населения Филиппинских островов. Проработав два года у равнинных народов, ученый просит направить его в более отдаленные районы. В течение трех месяцев он занимается этнографией и антропологией под руководством профессоров Дж. Старра и Б. Барроуса⁴ и после этого уезжает в Горную провинцию — сначала к канканаям, позже к калинга и ифугао, где он работает государственным инспектором школ, а затем учителем. Всего с перерывами он проводит в этот период на Филиппинах 13 лет, причем 10 из них — в Горной провинции. Не являясь этнографом по образованию, Бартон, безусловно, был им по призванию. Его исследования всегда основывались на «первой заповеди этнографа — понять и полюбить изучаемый народ» (В. Г. Богораз). Независимый ум, необычайная наблюдательность и непредвзятость суждений позволили ученому в обстановке господствовавшего презрения к «аборигенам» увидеть в коренном населении отдаленной Горной провинции не кровожадных язычников-дикарей, «охотников за головами», погрязших в невежестве и пороках, а людей с богатой самобытной культурой, стоящих в моральном отношении, по его мнению, гораздо выше колонизаторов. Бартон в совершенстве изучил язык ифугао, в среде которых он в основном работал, и заслужил их глубокое уважение и доверие, что позволило ему записать массу сведений, совершенно недоступных постороннему наблюдателю (особенно в сфере духовной культуры и социальных отношений).

Первый период творчества Бартона характеризуется многообразием тем. После публикаций по отдельным обрядам⁵ он обращается к проблемам, которые всю жизнь будут занимать его: социальная организация и обычное право⁶, религия⁷ и мифология⁸.

Одновременно он разрабатывает ряд тем, не получивших дальнейшего развития в его творчестве: публикует книгу по экономике и материальной культуре⁹, собирает данные по лингвистике¹⁰. Значительное место в этом периоде его творчества занимает публицистика. Бартон никогда не был беспристрастным наблюдателем, холодным исследователем, занятым чистой наукой. Его глубоко возмущали колонизаторские методы американцев и их так называемая «политика просвещения филиппинцев». Он резко отрицательно относился к такой политике и продолжал придерживаться этой позиции всю жизнь, даже в тягчайшие моменты травли и непризнания. В 1929 г. выходит статья Бартона «Боги моего брата ифугао»¹¹, в 1930 г. — статья «Закон белого человека у филиппин-

⁴ Ленинградское отделение Архива АН СССР (далее — ЛОАН), ф. 250, оп. 3, № 8, л. 4.

⁵ R. F. Barton. The harvest feast of the Kiangnan Ifugao. — «Philippine Journal of Science», 1911, v. 6 (D), № 2, p. 81—105; *его же*. The funeral of Aliguyen. — «The head-hunters of northern Luzon, from Ifugao to Kalinga». Kansas City, 1912, p. 126—138; H. O. Beyer, R. F. Barton. An Ifugao burial ceremony. — «Philippine Journal of Science», v. 6 (D), № 5, p. 227—252.

⁶ R. F. Barton. Ifugao law. — «University of California Publications in American Archaeology and Ethnology», v. 15, № 1, Berkeley, 1919, p. 1—186; *его же*. Lawsuit and good custom á la Ifugao. — «Asia», v. 29, 1929, p. 598—607, 660—664; *его же*. Paths of vengeance in Luzon. — «Travel», v. 55, N. Y., 1930, p. 24—29, 53.

⁷ R. F. Barton. My Ifugao brother's gods. — «Asia», v. 29, 1929, p. 806—814, 822—824; *его же*. Hunting soul stuff. — «Asia», v. 30, 1930, p. 188—195, 225—226.

⁸ В это время Бартон собирает материал по мифологии ифугао, на основании которого впоследствии им будет написан ряд работ.

⁹ R. F. Barton. Ifugao economics. — «University of California Publications in American Archaeology and Ethnology», v. 15, № 5, Berkeley, 1922, p. 385—446.

¹⁰ Р. Ф. Бартон. Словарь языка племени ифугао (Филиппинские острова) и грамматическое приложение. Архив Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР (далее — АЛОИЭ), ф. К-1, оп. 1, № 677.

¹¹ R. F. Barton. My Ifugao brother's gods.

ских племен»¹² и книга «Полуденное солнце»¹³, которая производит в Америке эффект разорвавшейся бомбы. Как позже вспоминал Бартон, его обвинили в «двойной измене отечеству и классу»¹⁴. В этой книге Бартон «обстоятельно и не без едкости доказывает, что именно его собственные соотечественники в Сан-Франциско и Нью-Йорке должны считаться охотниками за головами, более беспощадными и вредоносными, чем горные малайцы Филиппин». Единственным, по-видимому, голосом, прозвучавшим в защиту Бартона, была заметка в газете «Лос-Анджелес Рекорд», в которой говорилось: «Если благонамеренные дамы прочитают эту книгу, они узнают, как обычное право сохраняет порядок и поддерживает мораль на таком уровне, которого нам самим не удавалось никогда достичь, и перестанут посылать к язычникам миссионеров, от чего те только выиграют»¹⁵. В 1906—1930 гг. Бартон несколько раз приезжал в США, пытаясь найти работу по любимой специальности; это ему не удается. Чтобы иметь средства для своей научной деятельности, прежде всего для экспедиций, он вынужден обучиться специальности зубного врача. А. Л. Кребер отмечает, что «Бартон просил Институт Карнеги послать его на год в экспедицию к ифугао за половину тех денег, которые он получал как дантист»¹⁶, однако в этом ему было отказано. В последний приезд Бартона в США (1930 г.) обстановка для него складывается особенно неблагоприятно. Как писал ученый в своей автобиографии, он «подвергся... экономическому и социальному бойкоту из-за своих радикальных и атеистических принципов и действий, а также судебному преследованию»¹⁷.

Летом 1930 г. Бартон покидает США и едет в Советский Союз, где начинается второй, качественно новый период его творчества. По дороге, из Лондона, он посылает письмо В. Г. Богоразу, в котором сообщает о своем намерении приехать и, в частности, пишет: «Я особенно интересуюсь вашей работой с примитивными народами. Я провел на Филиппинах тринадцать лет и не одобряю капиталистической колонизации»¹⁸. В. Г. Богораз год спустя пишет о приезде Бартона: «Он (Бартон.—М. С.) поставил себе целью изучить советскую работу среди наиболее отсталых народностей Союза... и сравнить ее с американскими методами колонизации и прививки культуры народам Филиппинских островов. Фонд Гуггенгейма в Америке по представлению профессора Франца Боаза, а также и моему, обещал дать ему для этой цели дотацию в 2500 долларов сроком на один год, начиная с первого января 1931 г. ... В конце концов оказалось, что фонд Гуггенгейма не сдержал обещания и дотация не была получена»¹⁹.

Интересно привести освещение этого периода жизни Бартона А. Л. Кребером: «Его (Бартона.—М. С.) мысли обращаются к России... в 1930 г. он приезжает в СССР. Он собирался, по возможности, жить на средства от занятий антропологией, но был, вероятно, принят (в СССР.—М. С.), так как нужны были дантисты...»²⁰.

Сведения эти неверны: выяснив, что экспедиция на средства фонда Гуггенгейма не состоится, в 1931 г. (а не в 1935 г., как утверждает А. Л. Кребер²¹) Бартон поступает на работу в качестве научного сотруд-

¹² R. F. Barton. White man's law among Filipino tribesmen.—«Asia», v. 30, 1930, p. 410—416, 445—448.

¹³ R. F. Barton. The half-way sun: life among the headhunters of the Philippines. N. Y., 1930.

¹⁴ В. Г. Богораз-Тан. Биографические сведения о Р. Ф. Бартоне.—ЛОААН, ф. 250, оп. 3, № 8, л. 5.

¹⁵ Там же, л. 5.

¹⁶ A. L. Kroeber. Указ. раб., с. 92.

¹⁷ В. Г. Богораз-Тан. Указ. раб., л. 5.

¹⁸ ЛОААН, ф. 250, оп. 4, № 23, л. 1.

¹⁹ В. Г. Богораз-Тан. Указ. раб., л. 1.

²⁰ A. L. Kroeber. Указ. раб., с. 92.

²¹ Там же, с. 92.

ника в отдел Индонезии Музея антропологии и этнографии АН СССР. Когда в Советском Союзе были введены ученые степени, Бартону, наряду с другими сотрудниками Института этнографии (созданного в 1933 г. на базе Музея антропологии и этнографии) 13 ноября 1935 г. без защиты диссертации была присуждена степень кандидата исторических наук²².

Пребывание в Институте этнографии сыграло огромную роль в жизни и научной деятельности Бартона. Впервые ученый попадает в среду этнографов и получает работу по специальности. В ведение Бартона поступают коллекционные фонды по Филиппинам, Индии и Индонезии. Он включается в музейную работу, создает филиппинскую экспозицию, составляет описи, ведет переписку с рядом зарубежных музеев по обмену коллекциями. Благодаря ему Музей антропологии и этнографии получает, в частности, коллекцию по культуре и быту филиппинских негритов и горных народов Лусона от Национального музея США (Вашингтон).

Одновременно Бартон пишет научные труды. Так, например, он принимает участие в создании книги-справочника «Антропологическая характеристика народов СССР», о назначении которой директор Института этнографии акад. В. В. Струве писал: «Книга будет служить для разъяснения широким массам объективного представления о расах. Этот материал будет разоблачать реакционные расовые теории»²³. Для Бартона это была важная, выстраданная тема; он активно включается в работу. Сохранилась копия его письма к д-ру Конрадо Бенитес в Манилу от 28 февраля 1934 г., где он просит выслать ему все «труды», в которых доказывается неполноценность и умственная отсталость филиппинцев, и, в частности, пишет: «Я сейчас работаю в Институте антропологии и этнографии вместе с группой русских ученых по вопросу „расовой теории“ в этнографии. Конечно, теория о лучших и худших расах глупа не только потому, что мы не можем определить, какие люди лучше, а какие хуже, но потому, что мы не знаем, что лучше, а что хуже. Каждая ступень развития культуры имеет собственные критерии, так же как и каждая отдельная культура. Таким образом, вопрос превращается в следующий: есть ли умственные и эмоциональные особенности, характерные для каждой расы? — и он должен быть разрешен особенно потому, что расовая теория становится все более и более актуальной в политическом смысле в современном мире, в связи с фашизмом, империализмом и освободительным движением колониальных народов против их угнетателей»²⁴.

Попытка привлечь Бартона к участию в сборнике по народам Индонезии не увенчалась успехом. Бартон был типичным «полевиком», он мог писать только на основании собственных полевых материалов, ему надо было самому «ощутить» изучаемый народ. Написанные им статьи по народам Индонезии не были опубликованы и не представляют большого научного интереса. По филиппинским же материалам Бартон создает целую серию прекрасных работ. Для пополнения своих полевых материалов в 1937 г. он едет от Института этнографии в экспедицию на Филиппины.

Ученый опубликовал в Советском Союзе следующие статьи: «Высшие существа у аэта?»²⁵, «Ифугао, малайское племя нагорной части Филиппин»²⁶, «Некоторые новейшие исследования по американскому

²² ЛОАНН, ф. 142, оп. 1, № 45, с. 80; А. Л. Кребер (Указ. раб., с. 92) ошибочно пишет, что Бартон защищал диссертацию по теме «Обмен и торговля на Борнео и их влияние на языческие общества».

²³ ЛОААН, ф. 142, оп. 1, № 19, л. 160.

²⁴ ЛОААН, ф. 142, оп. 1, № 23, л. 1.

²⁵ «Антирелигиозник», 1933, № 5.

²⁶ «Сов. этнография», 1931, № 1—2

фольклору»²⁷, «Использование мифов как магии у горных народов Филиппин»²⁸, «Предварительный анализ древнейшего слоя терминов родства у племени ифугао»²⁹. В 1938 г. в Лондоне выходит книга Бартона «Филиппинские язычники: автобиографии трех ифугао»³⁰, а в Маниле статья «Как возникли брачные запреты»³¹.

Сохранившаяся в архиве Института этнографии неопубликованная работа Бартона «Филиппинские острова (Краткий историко-этнографический очерк)» представляет значительный интерес, так как в ней находит отражение изменение его научных взглядов, в первую очередь — методических приемов исследования. В характеристике типов народов Филиппин, которыми он сам непосредственно не занимался, Бартон придерживается традиционной в испанском и американском филиппиноведении классификации народов по религиозному признаку. В основу же описания горных народов Филиппин, изучению которых посвятил себя ученый, он положил принцип классификации народов по типам хозяйства, по которому в те годы строились экспозиции Музея антропологии и этнографии АН СССР.

Продолжая работу по своим излюбленным темам (социальная организация и обычное право, религия и мифология), Бартон разрабатывает и материалы по семье и семейно-родственным отношениям. Последняя тема особенно увлекает его. Именно в это время в советской этнографии протекают бурные дискуссии по разным аспектам изучения первобытнообщинного строя, закономерностей его развития и разложения. Появляются теоретические работы о ранних формах брака и семьи, матриархата и патриархата, экзогамии, системах родства³². Эти работы, очень близкие Бартону по тематике, побудили его заняться изучением семейно-родственных отношений как одного из аспектов социальных отношений. Бартон сталкивался с этой темой и при изучении обрядов. Таким образом, проблемы семьи органически вошли в его творчество, и именно комплексной разработке тематики социальных отношений и семейно-родственных отношений мы обязаны лучшими работами Бартона, созданными в третий период его деятельности.

Многое из того, что ученый написал, работая в Ленинграде, он не успел напечатать³³, так как в 1940 г. в связи с началом второй мировой войны он был вынужден как американский подданный выехать из Советского Союза по требованию государственного департамента США.

Бартон уезжает на Филиппины. Начинается третий период его творчества — период «пожинания плодов». Бартон возвращается на Филиппины не просто опытным ученым, владеющим методологией исследования, — он приезжает уже знаменитым. Фонд Гуггенгейма, в свое время не раз отказывавший ученому в средствах, предоставляет ему возможность организовать любую экспедицию. В этот период вышли в свет лучшие работы Бартона, создавшие ему славу. Он привез с собой несколько почти готовых рукописей, в том числе ифугао-английский словарь с грамматическим приложением, подготовленный во время работы

²⁷ «Сов. этнография. Сборник статей», № 1, М.—Л., 1938, с. 224—229.

²⁸ «Сов. этнография», 1935, № 3.

²⁹ «Сов. этнография», 1940, № 3.

³⁰ R. F. Barton. Philippine pagans: the autobiographies of three Ifugaos. London, 1938.

³¹ R. F. Barton. How marriage prohibitions arose.—«Philippine Magazine», v. 25, № 8, Manila, 1938, p. 380—381, 394.

³² М. О. Косвен. Половые отношения и брак в первобытном обществе. М.—Л., 1923; А. М. Золотарев. Происхождение экзогамии. М., 1931; А. Н. Бернштам, Е. Ю. Кричевский. К вопросу о закономерности в развитии архаической формации. Л., 1932; С. А. Токарев. Родовой строй в Меланезии.—«Сов. этнография», 1933, № 2—6; Л. П. Потапов. Разложение родového строя у племен Северного Алтая. Л., 1935.

³³ В ЛОААН (ф. К-1, оп. 1) хранится 14 неопубликованных рукописей Бартона.

в Институте этнографии³⁴. Этот первый в истории словарь языка ифугао не перекрыт позднейшими исследованиями и не утерял своего значения до сих пор. Во время пребывания в Советском Союзе были созданы и первый вариант «Мифологии ифугао», и в соавторстве с Я. Я. Рогинским работа по соматологии ифугао³⁵.

Приехав на Филиппины, Р. Ф. Бартон продолжает полевую экспедиционную работу в Горной провинции, переиздает статьи, опубликованные в СССР, пишет и подготавливает для печати ряд статей и монографий: «Использование мифов как магии у ифугао»³⁶, «Отражение перехода к эндогамии в двух терминах родства»³⁷, «Примитивная система мирных соглашений у калинга»³⁸, «Игороты сегодня»³⁹, «Религия ифугао»⁴⁰, «Мифология ифугао»⁴¹, «Калинга, их социальные институты и обычное право»⁴².

Последняя работа, по справедливому утверждению А. Л. Кребера⁴³, является кульминацией творчества Бартона. Это труд зрелого ученого, в котором нашла выражение основная его тема — социальные отношения в период перехода от племенного общества к государству. Этой теме Бартон посвятил несколько работ, в совокупности представляющих «не имеющую себе равных серию публикаций по социальной организации и обычному праву в Горной провинции»⁴⁴. Завершающая работа этой серии не случайно посвящена калинга. В предисловии к ней Р. Ф. Бартон писал: «... я испытывал в полной мере удовольствие от этнографического исследования... так как социальная организация калинга столь живо и выпукло показывает, что политическая организация общества вырастает из существовавших прежде социальных объединений, имевших совсем иной характер»⁴⁵. Бартон неоднократно подчеркивал, что если социальные институты у ифугао выражены аморфно, то у калинга они вполне сложились и в этом отношении калинга представлял наибольший интерес из всех горных народов Лусона.

Работа была написана на основании полевых материалов, собранных исследователем во время трех поездок в субпровинцию Калинга, и представляет собой обобщающий труд по социальной организации, имеющий несомненное теоретическое значение. Социальные институты калинга рассматриваются в сравнении с соответствующими институтами у ифугао, канканаев, бонтоков, и, таким образом, работа дает развернутое представление о социальной организации народов, населяющих Горную провинцию.

По мнению Бартона, общество калинга базируется на двух основных принципах социальной организации — родовом и территориальном, находящихся в постоянном взаимодействии. Первый принцип постепен-

³⁴ Р. Ф. Бартон. Словарь языка племени ифугао (Филиппинские острова) и грамматическое приложение. — АЛОИЭ, ф. К-1, оп. 1, № 677. (Эта работа не опубликована).

³⁵ Р. Ф. Бартон. Мифология ифугао. — АЛОИЭ, ф. К-1, оп. 1, № 36. *Ja. Ja. Roginski, R. F. Barton. Ifugao somatology.* — «Philippine Journal of Science», v. 74, N 4, 1941.

³⁶ R. F. Barton. Myths and their magic use in Ifugao. — «Philippine Magazine», v. 37, 1940 p. 384—386.

³⁷ R. F. Barton. Reflections in two kinship terms of the transition to endogamy. — «American Anthropologist», v. 43, N 4, 1941, p. 540—548.

³⁸ R. F. Barton. Primitive Kalinga peace treaty system. — «Philippine Magazine», v. 38, № 5—6, 1941, p. 190—191, 235—237.

³⁹ R. F. Barton. Igorots today. — «Asia», v. 41, № 6, 1941, p. 307—310.

⁴⁰ R. F. Barton. The religion of the Ifugaos. — «American Anthropological Association Memoir», № 65, Menasha, 1946.

⁴¹ R. F. Barton. The mythology of the Ifugaos. — «Memoires of the American Folklore Society», v. 46, Philadelphia, 1955.

⁴² R. F. Barton. The Kalingas, their institutions and custom law. Chicago, 1949.

⁴³ A. L. Kroeber. Указ. раб., с. 93, 94.

⁴⁴ F. Eggan. Addendum to: R. F. Barton. The Kalingas, their institutions and custom law, p. VII.

⁴⁵ R. F. Barton. The Kalingas, their institutions and custom law, p. VI.

но вытесняется вторым, более прогрессивным, однако в 1940-е годы первый еще доминирует. В ходе исследования Бартон не разграничивает линии родовых и общинных структур. Следует подчеркнуть, что вопрос о соотношении общины и рода, имеющий принципиальную важность, чрезвычайно сложен и до сих пор является дискуссионным. Однако правомерность позиции, еще в 1940-х годах занятой в этом вопросе Бартоном, подтверждается в наши дни: подводя итоги дискуссии, проходившей на страницах журнала «Советская этнография» в 1950—1960-х годах, А. И. Першиц и Н. Н. Чебоксаров подчеркивают: «...что особенно существенно, была показана неправомерность противопоставления основных структур развитого первобытного общества — общины и рода»⁴⁶.

К началу 1940-х годов ученый был в расцвете творческих сил. Трудно представить себе, сколько превосходных работ он бы еще написал; однако в этот, самый плодотворный период его творчества судьба была особенно сурова к нему: во время оккупации Филиппин Японией Бартона заключают в лагерь для интернированных, где он продолжает работать, пока хватает сил. По истечении трех лет его освобождают, но силы его уже подорваны, он истощен и болен. В 1945 г. Бартон возвращается в США, преподает этнографию во время летнего триместра в Беркли, получает должность научного сотрудника, строит обширные экспедиционные планы. Однако восстановить здоровье ему не удается, и после нескольких операций 19 апреля 1947 г. он умирает.

После смерти ученого, в 1947 г., выходит его статья (в соавторстве с Ф. Эгганом) «Антропология во время войны. Филиппины»⁴⁷; два года спустя — фундаментальный труд Бартона «Калинга, их социальные институты и обычное право»⁴⁸, а в 1955 г. — его книга «Мифология ифугао»⁴⁹.

Рой Фрэнклин Бартон представлял собой тот редкий тип ученого, в котором неразрывно слились таланты собирателя-полевика, исследователя (этнографа, фольклориста, лингвиста) и писателя. Ученый исследовал культуру народов Филиппин в самом широком ее понимании. Для него немислимо было изучение социальных отношений без религии, религии — без мифологии, мифологии — без языка. Начиная писать какую-либо работу, Бартон каждый раз ставил перед собой скромную конкретную задачу, однако результаты всегда во много раз превосходили задуманное. Любая крупная работа Бартона является по существу миниатюрной энциклопедией, всесторонне освещающей культуру описываемого народа — как правило, в сопоставлении с культурой его соседей.

Свои работы Бартон писал живым, прекрасным языком, с тонким юмором, который ничуть не мешает серьезному исследованию и очень украшает его.

Труды Бартона представляют непреходящий интерес не только для филолипиноведов, но и для специалистов по другим странам Юго-Восточной Азии, а также ученых, занимающихся теоретическими проблемами в области этнографии, фольклористики и истории религии.

AN UNUSUAL BIOGRAPHY (ROY FRANKLIN BARTON, 1883—1947)

The paper deals with the life and research work of Roy Franklin Barton, an American ethnographer and folklore student who may by right be regarded as an outstanding 20th century specialist in Philippine studies. Barton had for many years observed the life of

⁴⁶ А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров. 50 лет журнала «Советская этнография». — «Сов. этнография», 1976, № 4, с. 17.

⁴⁷ F. Eggan and R. F. Barton. Anthropology during the war: the Philippines. — «American Anthropologist», v. 49, № 3, 1947, p. 532, 533.

⁴⁸ R. F. Barton. The Kalingas, their institutions and custom law.

⁴⁹ R. F. Barton. The mythology of the Ifugaos.

hitherto little-known peoples of the Philippine Archipelago and had collected invaluable material. He is the author of about 40 works on the social relations, economy, religion and folklore of the Philippine peoples. However, his name does not hold the place due to him in the history of research. The only works dedicated to R. F. Barton are a few reviews of his books and two obituaries.

The scholar spent the years from 1930 to 1940 in the USSR, where he worked as research fellow in the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences. Some of his manuscripts are preserved in the archives of the Museum of Anthropology and Ethnography. The author of the present paper aims at a fuller description of R. F. Barton's research work and the correction of certain errors in former publications. The paper is based mainly upon archive materials comprising the researcher's correspondence, his autobiography etc.